

ри, как Марья Алексеевна, могла вырасти такая дочь, а лишь констатирует этот факт.

Вера любит все первоклассное. Прежде всего, это касается личного комфорта. У нее в комнате стоит ванна (ваннанные комнаты еще не очень распространены в среднем классе, поэтому ванна стоит прямо в комнате). Она любит чай со сливками – это черта усадебного дворянского и одновременно провинциального быта. Для любимой героини автора характерна потребность в личном комфорте, желание понежиться в постели, любовь к качественным вещам. (В шутовском диспуте-пародии с Катериной Васильевной в ответ на экзальтированное восклицание подруги: «О, мой возлюбленный Шиллер!», она с комическим достоинством возражает: «Но прюнелевые ботинки фирмы Королёва также прекрасны». И автору дорога именно такая Верочка.)

Парадоксально, что именно эта женщина стала символом феминистского движения в России, а ее тщательно продуманные Николаем Гавриловичем сны – жупелом для многочисленных поколений советских школьников.

Французская культура сохраняет свой приоритет в производстве предметов роскоши. Чтобы получить знак качества, шитье Веры Павловны должно пройти контроль Жюли – носительницы французских канонов: «Жюли очень внимательно рассмотрела, как сидит платье, рассмотрела шитье платка, рукавчиков и осталась очень довольна.

– Мое дитя, вы могли бы иметь хороший успех, у вас есть мастерство и вкус. Но для этого надобно иметь пышный магазин на Невском» (с. 138).

В романе Чернышевского французская культура актуализируется в обыденных приметах времени (язык, вещи, этикетные нормы), она в значительной степени формирует образ жизни героев романа, а значит, в какой-то степени, и их души.

На практике лишь следующее поколение разночинцев обретет ту внутреннюю свободу, о которой мечтал Чернышевский. Это будет время, когда многие приоритеты дворянской культуры, включая и французскую составляющую, адаптируются культурой национальной.

Примечания

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. М., 1985.

² Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. М., 1996.

³ Толстой Л. Н. Война и мир: в 2 кн., в 4 т. / Л. Н. Толстой. М., 1946. Кн. 1, т. 1. С. 247.

⁴ См.: Водовозова Е. И. На заре жизни: мемуарные очерки и портреты / Е. И. Водовозова. М., 1987. Т. 2. С. 168–207.

⁵ Паперно И. Указ. соч. С. 69–70.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX) / Ю. М. Лотман. СПб., 1994. С. 185.

⁷ Гоголь Н. В. Женитьба / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Избр. соч.: в 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 100, 107.

⁸ См.: Вердеревская Н. А. О разночинцах / Н. А. Вердеревская // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5 (XIX). С. 452–462.

⁹ См.: Паперно И. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ Егоров Б. Ф. Русские утопии / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5 (XIX). С. 225–273.

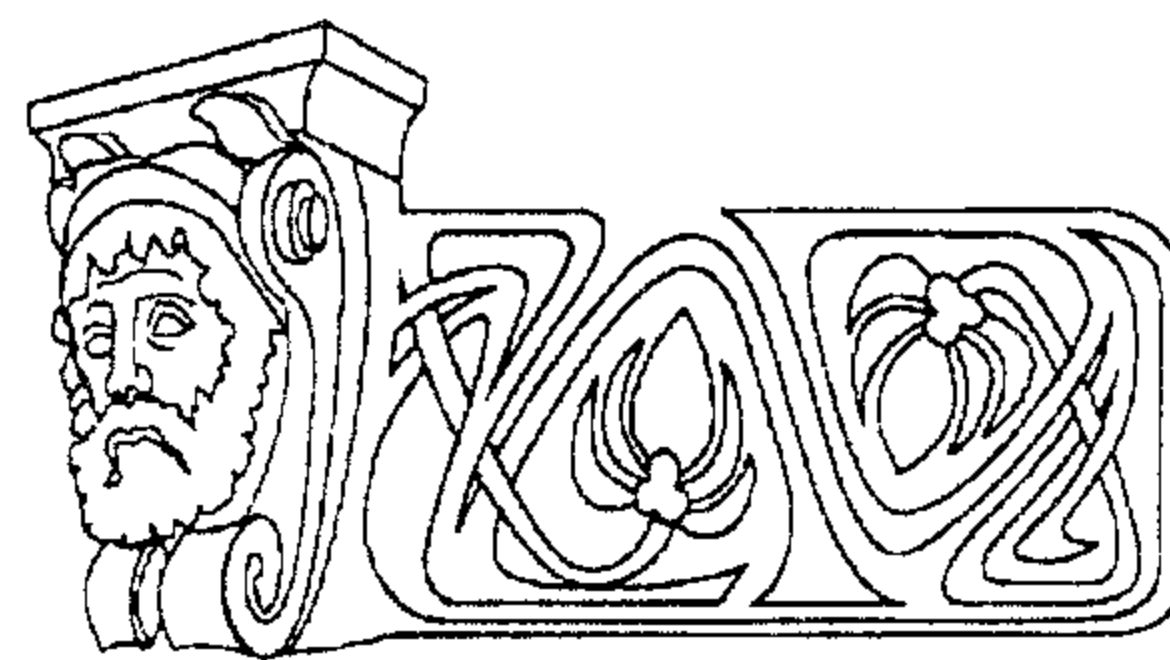
УДК 840.09–94+929 Шатобриан

МЕМУАРНОЕ НАЧАЛО В «ЗАМОГИЛЬНЫХ ЗАПИСКАХ» Ф.-Р. де ШАТОБРИАНА

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу мемуарной составляющей «Замогильных записок» Шатобриана с точки зрения самооценки писателя и его творческого метода. В ней рассматривается исторический материал, использованный в книге, принципы создания портретов обще-

ственных деятелей и литераторов, соотношение концепции авторского «Я» с изображаемой эпохой. Мемуарный пласт повествования отражает своеобразие эпического начала в книге и становится выражением характерного для романтизма представления о личности.

Memoir element in "Mémoires d'outre-tombe" by F.-R. de Chateaubriand

S.Y. Pavlova

The article is devoted to memoir part of «Mémoires d'outre-tombe» by Chateaubriand from the point of view of writer's self-appraisal and his creative method. We examine historical context used in the book, principles of making public figures and literary men's portraits, correlation between the conception of author's «self» and representing period. Memoir layer reflects the epical originality of the book and becomes the expression of the typical romantic idea about person.

Самое значительное произведение Франсуа-Рене де Шатобриана – «Замогильные записки» (1848–1850) является мемуарно-автобиографическим. Мемуарное начало играет в «Замогильных записках» очень важную роль и определяет направленность значительной части произведения. В соответствии с канонами мемуарного жанра, являющегося, как пишет Ж. Хоффенберг, «по определению полемическим», Шатобриан освещает исторические события со своей точки зрения, предлагает читателю не «исчерпывающее изображение», а «свой взгляд, свою интерпретацию фактов»¹.

Мемуарный пласт повествования дает богатый материал для анализа исторического фона эпохи, мировоззрения Шатобриана, жанровой природы его книги и, безусловно, требует специального, возможно, монографического рассмотрения. В этой работе мы ограничимся только краткой его характеристикой с точки зрения самооценки писателя и его творческого метода.

Попытки всерьез проанализировать мировоззрение Шатобриана приводят к разочаровывающим результатам: он не был ни оригинальным мыслителем, ни выдающимся политиком, но его поэтический гений не оспаривался никем. Если А. В. Карельский сдержанно констатирует, что «Шатобриану-политику мешал Шатобриан-романтик»², то М. Н. Розанов прямо называет его «неудачным политиком» и «плохим мыслителем»³. Еще более резко и определенно звучит оценка Э. Фаге: «...он ни великий философ, ни великий моралист, ни великий политик, ни даже *глубоко убежденный христианин*. Все его философские рассуждения поверхностны... Все то, во что он хочет заставить уверовать, он чувствует»⁴. Именно поэтический гений стал орудием самомифологизации Шатобриана.

Сам выбор материала для мемуарного пласта «Замогильных записок» призван подчеркнуть величие автора. Из череды исторических перипетий своего времени Шатобриан последовательно отбирает события мирового значения и подчеркивает собственную роль в них; из всего огромного числа лиц он сосредоточивает внимание на людях с мировой известностью, поскольку видит в них сомаштабные себе фигуры.

Писатель рисует Париж в период революций 1789 и 1830 гг., рассказывает о жизни королевского двора и папской резиденции, заседаниях Законодательного собрания и палаты Пэров, международных конгрессах и дипломатических встречах. События исторической важности предстают в изображении Шатобриана следствием чуть ли не исключительно его индивидуальной деятельности. В таком ключе он пишет о Веронском конгрессе, о вступлении Франции в войну в Испании, о реставрации Бурбонов. Шатобриановская оценка собственных заслуг в связи с возвращением французского престола королевской династии звучит весьма показательно: «Людовик XVIII объявил, как я уже не раз говорил, что моя брошюра («О Бонапарте и Бурбонах». – С. П.) принесла ему больше пользы, чем стотысячная армия»⁵.

На страницах «Замогильных записок» возникают образы монархов (Александра I, Георга IV, Фридриха-Гийома III), высокопоставленных служителей церкви (Пия VII, Леоны XII), политиков (Виллеля, Полиньяка, Корбьера), деятелей искусства и писателей (Лагарпа, Тальма, Фонтана, Беранже, Шамиссо) и т.д. По своим политическим убеждениям Шатобриан принадлежал к сторонникам легитимной монархии, которую считал наиболее подходящей для французского общества формой правления. Вот почему в портретной галерее «Замогильных записок» особое место отводится французским монархам: Людовику XVIII, Карлу X, Луи-Филиппу Орлеанскому. Писатель считал, что герцог Орлеанский фактически отобрал престол у малолетнего Генриха V и занял трон незаконно. Отсюда проистекает шатобриановский пафос категорического неприятия режима Июльской монархии, саркастический и пронизанный горечью тон в изображении нового короля: *Луи Филипп – неглупый чело-*

век, чей язык извергает потоки общих мест... Филипп поработил всех своих приближенных; он надул своих министров: назначил их, потом отставил, снова назначил, скомпрометировал, – если сегодня что-нибудь еще может скомпрометировать человека, – и снова отстранил от дел. Превосходство Филиппа очевидно, но относительно; живи он в эпоху, когда в обществе еще теплилась жизнь, вся его посредственность вышла бы наружу... В отличие от королей из старшей ветви Бурбонов, Филиппа не волнует честь Франции: что для него честь?... Филипп – полицейский: Европа может плюнуть ему в лицо; он утирается, благодарит и показывает свое королевское удостоверение (с. 552–553).

Шатобриан не испытывал восторга и от законных наследников престола. Портреты Людовика XVIII и Карла X свидетельствуют о его способности судить о монархах трезво и непредвзято. Значительное место в эпизодах, посвященных французским королям, занимает изображение их встреч и бесед с самим Шатобрианом. Автор «Замогильных записок» подчеркивает исключительность своего положения подле монарших особ, свое право давать им советы и высказывать собственное мнение. Так, в 1814 г. Шатобриан призывал Людовика XVIII остаться в Париже и защищать город от натиска Наполеона; настоятельно советовал Луи-Филиппу отказаться от трона; давал рекомендации Карлу X по поводу воспитания Генриха V; наконец, осмелился прямо сказать королю свое мнение о судьбах французской монархии:

– Ваше Величество, ... надеюсь, вы простите своего верного слугу: я полагаю, что с монархией покончено.

Король ничего не ответил; я уже начал раскаиваться в своей дерзости, когда он заговорил вновь:

– Что ж, господин де Шатобриан, я того же мнения (с. 314).

В этом коротком диалоге исключительность Шатобриана проявляется не только в смелости, но и в том, что сам монарх признал его правоту в столь важном и щекотливом вопросе.

На склоне лет Шатобриан вынужден был признать необходимость для Франции смены формы государственного правления из-за по-

литической слепоты, слабости, нерешительности последних коронованных представителей французских Бурбонов, он понимал неизбежность исторического прогресса. В «Замогильных записках» он неоднократно повторяет, что «старый режим умирает». Однако именно вопрос об отношении к монархии во многом определяет суждения писателя о государственных и общественных деятелях. Политиков, способствовавших, по его мнению, падению Бурбонов, он зачисляет в разряд посредственностей и оценивает отрицательно. Примером могут служить характеристики Талейрана и де Блакаса – нелюбимые, язвительные, односторонние. Наибольший субъективизм взглядов Шатобриана проявляется в портретах сторонников режима Июльской монархии (Тьера, Фуше) и самого Луи-Филиппа. Писатель сохраняет терпимость только в тех случаях, когда речь идет о ярких и неординарных личностях. Чувство уважения к великим, а значит, равным себе людям не позволяет ему быть пристрастным. Таковы характеристики Вашингтона, Мирабо, Лафайетта и некоторых других. Масштаб личности как критерий ее оценки отражает идеал романтической эпохи.

Разумеется, самая яркая и значительная личность того времени – император Наполеон. В «Замогильных записках» ему посвящен самостоятельный – в двести с лишним страниц – фрагмент книги. Отметим, что право повествователя говорить и судить о великих людях придает значительность его собственной личности. По словам Ю. М. Лотмана, «само по себе создание (биографического. – С. П.) текста становится действием личной активности и, следовательно, переводит автора в разряд тех выпадающих из универсальных кодов личностей, которым свойственно иметь биографию»⁶.

При создании биографии Наполеона Шатобриан использовал разного рода мемуарные и исторические источники – «Историю Наполеона...» графа де Сегюра, «Мемуары» Ла Каза, «Историю экспедиции в Россию» Шамбре, бюллетени Великой армии и т.д., а также опирался на собственные впечатления от встреч с императором.

Личность Наполеона раскрывается по принципу сопоставления с автобиографическим героем. Показательна ошибка Шатоб-

риана: он пишет, что родился в один год с императором, тогда как на самом деле последний на год младше писателя. Делая Наполеона своим ровесником, автор «Замогильных записок» творит миф о взаимопереплетенности их судеб, об их человеческой соразмерности. Как справедливо отмечает М. Летонен, «в глубине души Шатобриан идентифицирует себя с Наполеоном»⁷. Рассказывая о жизни императора, он пытается найти подтверждение дорогой его сердцу идее, причем даже в самых незначительных деталях, например, таких как рождение на морском побережье и детство, проведенное среди скалистых утесов.

По мнению А. Лесавуро, значимость фигуры Наполеона также определяется тем, что рационалистическое мышление Шатобриана, не признавая природные чудеса, искало «необычное в человеческих способностях»⁸. Ориентируясь на наполеоновский типаж значительной, способной на многое, сильной духом личности, писатель выстраивает и свою собственную автобиографию.

Идея величия личности становится тем объединяющим началом, которое ставит в один ряд автора «Замогильных записок» и Наполеона. «Будучи героем своего времени и центральным персонажем своей книги, он соглашался делить это первое место только с Наполеоном. В романтической концепции истории, утверждению которой содействовал Шатобриан, герой – это значительный человек, возвышенный выразитель духа своего времени, способный осветить путь развития общества. Такому человеку недостаточно служить антропологическим “образцом для сравнения” в духе Руссо, его миссия в том, чтобы быть ярким маяком, единственным ориентиром для современников, помогающим им понять свое время»⁹.

На протяжении всей книги Наполеон является для Шатобриана не только мерилем человеческой значительности, но и своего рода соперником. Если поначалу Шатобриан вырастает в собственных глазах по мере приближения к великому человеку, то в дальнейшем ощущает свою значительность через сопротивление императору. Так, описывая свою первую встречу с Наполеоном, он всячески подчеркивает свою избранность: *Каким-то образом Бонапарт заметил и уз-*

нал меня. Когда он направился ко мне, никто не мог понять, кого он ищет; все расступались, каждый надеялся, что консул идет к нему; эта непонятливость, казалось, раздражала властелина. Я отступил и встал позади соседей; внезапно Бонапарт возвысил голос и произнес: “Господин де Шатобриан!” Толпа тотчас отхлынула, чтобы затем сомкнуться вокруг нас кольцом: я остался в одиночестве (с. 194).

Началом внутреннего протеста Шатобриана деспотизму властителя Франции стало его прошение об отставке с поста французского поверенного в республике Вале после убийства герцога Энгиенского. Этот эпизод передается, главным образом, через оценки других людей, объединенные мыслью о смертельной опасности, которой подвергал себя единственный человек, осмелившийся выразить императору свой протест. Шатобриан подчеркивает, что Наполеон стерпел этот дерзкий поступок, потому что подобная смелость и честность не могли не внушить ему уважения. Другим выражением оппозиционных взглядов писателя по отношению к режиму Наполеона стала речь, написанная им по случаю избрания во Французскую Академию и отвергнутая разгневанным императором.

Отношение Шатобриана к Наполеону определяется, как и у других романтиков, убежденностью в величии и уникальности его гения, восхищением человеком, который «создал себя сам», но в то же время категорическим неприятием личности, покусившейся на свободу отдельно взятых людей и целых народов. М. Летонен точно охарактеризовала это отношение как амбивалентное: «Шатобриан... его ненавидит и восхищается им одновременно. Возможно, он завидовал славе героя, но вместе с тем понимал, что благодаря Наполеону жил в великую эпоху, ставшую фоном его собственной индивидуальной судьбы»¹⁰.

Действительно, повествователь трезво рассуждает об ошибках (в числе самых непростительных он называет убийство герцога Энгиенского и войну в Испании), неудачах (русском походе), о способностях императора. Однако промахи Наполеона Шатобриан объясняет свойствами его натуры, тем, что заложено в человеке свыше и не подвластно

его воле. Хотя писатель видел слабые стороны и негативные последствия деятельности Наполеона, император всегда оставался для него «поэтом действия, великим гением войны, неутомимым умом, умелым и толковым руководителем, деятельным и разумным законодателем»¹¹, «одним из первых лиц в истории» (II, p. 409). В конечном итоге свое отношение к Наполеону он формулирует ясно и однозначно: «Что же до меня, то я всегда, даже нападавая на Бонапарта как нельзя более резко, восхищался им безгранично и неподдельно» (с. 262). Очевидно, что романтическая идея величия личности оказывается для Шатобриана важнее, нежели его собственные разумные доводы и оценки.

Среди великих людей эпохи особый интерес представляют суждения автора о знаменитых поэтах и писателях. Шатобриан посвящает целую главу Д.-Г. Байрону, чье имя для современников писателя было символом европейского романтизма. Тот факт, что Шатобриан не был знаком с ним лично, не помешал ему уделить фигуре английского поэта серьезное внимание. По словам повествователя, к написанию главы о Байроне он возвращался несколько раз: основная часть, созданная в 1822 году в период дипломатической службы Шатобриана в Лондоне, дополнялась заметками 1814 и 1840 годов. К личности лорда Байрона Шатобриан вернется и в венецианском эпизоде своей автобиографии, работа над которым шла в 1833 году. Как и в случае с Наполеоном, при характеристике Байрона повествователь использует прием параллельного изображения, подчеркивая тем самым равнозначность двух (чужой и своей) индивидуальностей: *Возможно, потомкам будет небезынтересно заметить пересечения между вождями новой французской и английской школы, глубинные мысли, судьбы и даже нравы которых были похожи: один был пэром Англии, другой Франции, оба путешествовали на Восток, причем довольно часто находились рядом, но ни разу не встретились; вот только жизнь английского поэта была связана с менее значительными событиями, чем моя* (I, p. 477–478).

В заключительной части цитаты Шатобриан нарушает принцип параллелизма и говорит о своем превосходстве.

Размышляя о художественном творчестве Д.-Г. Байрона, автор «Замогильных записок» называет только те произведения, которые перекликаются с его собственными книгами. Он высоко оценивает вклад Д.-Г. Байрона в литературу, но все же указывает на очевидное влияние своего Рене – героя одноименной романтической повести – на образы Чайльд-Гарольда, Конрада, Лары, Манфреда, Гяура. Говоря об этих «заимствованиях», повествователь ссылается на авторитет П.-Ж. Беранже и М. Виллеля, мнения которых приводит в тексте. Признание значительности Д.-Г. Байрона, таким образом, свидетельствует о заслугах самого Шатобриана и даже превосходстве последнего. В этой связи приведем примечательную и верную оценку Ш. А. Сент-Бева: «Эти великие поэты не нуждались в том, чтобы повторять друг друга. Они находили в себе и в атмосфере своего века достаточно вдохновения для того, чтобы чувствовать и изображать по-своему, оставляя на всем отпечаток своего таланта и эгоизма»¹². Интересно, что сам Шатобриан, казалось бы, утверждает сходную мысль: *Лорд Байрон будет жить, потому что, так же как и я, он был сыном своего века и, так же как я, а еще раньше, до нас, Гете, сумел выразить его страдания и несчастье* (I, p. 479).

Однако как это следует из дальнейшего пояснения, автор книги говорит не о конгениальности художников, а скорее о допустимости использования в творчестве идей и образов другой национальной традиции ради обогащения своей литературы. Отсюда проистекает недоумение Шатобриана относительно того, почему лорд Байрон, всегда ссылающийся «почти на всех современных французских авторов» (I, s. 480), ничего не говорит о столь громко нашумевшем как во Франции, так и в Англии имени Шатобриана.

За этим пассажем следует другое любопытное суждение: «Сходным образом еще один талантливый человек предпочел не упоминать моего имени в своем труде *О литературе*» (I, p. 480). Очевидно, что Шатобриан имеет в виду Жермену де Сталь, писательницу, также стоявшую у истоков европейского романтизма. Для нас эта цитата интересна не отсылкой к еще одной знаменитой современнице, а тем, что Шатобриан (случайно или намеренно?) ошибается. В момент

появления трактата «О литературе» он находился за пределами Франции, и на родине его имя никому не было известно. Заметим, что к личности госпожи де Сталь повествователь возвращается несколько раз. Так, особенно интересен фрагмент, в котором Шатобриан цитирует ее восторженное и весьма лестное письмо в свой адрес с характерным интимно-дружеским обращением «*mon cher Francis*» (мой дорогой Фрэнсис). Это письмо «работает» на создание возвышенного образа автобиографического героя: *Мой дорогой Фрэнсис, оставьте мне место в вашей жизни... Я восхищаюсь вами... я буду вам сестрой. Неужели вы не чувствуете, что мой ум и мое сердце созвучны с вашими, не чувствуете, что вопреки всем различиям, мы похожи?* (I, p. 596).

Свои размышления о Байроне и де Сталь Шатобриан завершает патетическим утверждением собственного душевного благородства, которое также возвышает писателя над его великими современниками: «Я никогда не испытывал желания молчать, если испытывал чувство восхищения; вот почему я объявляю о своем восторженном отношении к госпоже де Сталь и лорду Байрону» (I, p. 480).

В рассуждениях Шатобриана о писателях романтической эпохи выделяется имя еще одного мэтра – Вальтера Скотта. Мнение Шатобриана о создателе исторического романа представляет интерес потому, что самого себя он также ощущает творцом истории. «Думается, – читаем в “Замогильных записках”, – он (Скотт. – С. П.) создал ложный жанр: он искажил и роман, и историю» (I, p. 472). Как видим, писатель упрекает английского романиста в смешении жанров, а значит, искажении исторической правды и явно претендует на то, что в его собственной книге фактическая точность будет соблюдена.

Наконец, на страницах своей книги Шатобриан неоднократно возвращается к личности Бенжамена Констана. Его отношение к Констану, общественному деятелю, писателю и человеку тем более интересно, что этих двух людей связывает много общего. Оба они были заметными политическими фигурами, любили одну женщину (госпожу Рекамье), наконец, в своем творчестве проклады-

вали дорогу новому, романтическому, направлению, сохраняя при этом глубокую связь с литературной традицией XVIII века. Шатобриан пишет о Констане как о «самом умном, после Вольтера, человеке» (II, p. 612), но беспринципном политике; употребляет характеристику «автор «Адольфа»» (II, p. 614), но при этом ничего не говорит о романе; называет Констана своим «гидом» (II, p. 615) на пути создания биографии госпожи Рекамье, но его высказывания об этой женщине определяет как непоэтические и недостаточно искренние. Как видим, в суждениях о своем современнике автор «Замогильных записок» оказывается строго избирательным.

Таким образом, рисуя панораму европейской жизни первой половины XIX века, Шатобриан привносит в нее рожденный романтической эпохой историзм, ощущение резкой смены временных пластов, а главное, ставит в центр этой картины романтическую личность и возводит ее на пьедестал. Через восприятие этой личности, через подчеркнутый субъективизм оценок читатель и должен сформировать представление о роли Шатобриана в событиях эпохи. Подобное беспрецедентное в истории мировой литературы отношение к истории как фону для самореализации личности определяет своеобразие эпического начала в книге Шатобриана. В «Замогильных записках» мемуарный пласт повествования оказывается проявлением эпической устремленности в европейском романтизме.

Исследования проводились при финансовой поддержке Президента Российской Федерации (МК-3264.205.6).

Примечания

¹ Hoffenberg J. L'Enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand / J. Hoffenberg. Paris, 1998. P. 125.

² Карельский А. В. Французская литература / А. В. Карельский // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 149.

³ Розанов М. Н. История французской литературы 19-го века: в 2 ч. / М. Н. Розанов. М., 1913. Ч. 1. С. 113.

⁴ Фаге Э. Деятельный век. Литературные эподы / Э. Фаге. М., 1901. С. 29.

⁵ Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки / Ф.-Р. Шатобриан. М., 1995. С. 262. Далее текст в переводе В. Мильчиной и О. Гринберг цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁶ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 369.

⁷ Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand / M. Lehtonen. Helsinki, 1964. P. 380.

⁸ Le Savoureaux H. Chateaubriand / H. Le Savoureaux. Paris, 1930. P. 77.

⁹ Zanon D. L'autobiographie / D. Zanon. Paris, 1996. P. 69–70.

¹⁰ Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand / M. Lehtonen. Helsinki, 1964. S. 380.

¹¹ Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: in 3 t. / F.-R. Chateaubriand. Paris, 1973. Т. 2. P. 399. Далее фрагменты, отсутствующие в сокращенном русском переводе книги, цитируются в нашем переводе по этому изданию с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

¹² Sainte-Beuve Ch.-A. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire : in 2 v. / Ch.-A. Sainte-Beuve. Paris, 1861. V. 1. P. 365.

УДК 820.09-3+929 Оден

АНГЛИЙСКАЯ ПУТЕВАЯ ПРОЗА И «ПИСЬМА ИЗ ИСЛАНДИИ» ОДЕНА И МАКНИСА

И. В. Кабанова

Саратовский государственный университет,
Кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: ivk77@hotmail.com

Статья содержит очерк истории традиции жанра путешествий в английской литературе начиная с XVI века, а также обзор концепций жанра путешествий, бытующих в современной западной критике. Предлагается общая панорама состояния жанра в английской литературе 1930-х годов, на фоне которой дается анализ книги У. Х. Одена и Л. Макниса «Письма из Исландии» (1937). Особое внимание уделяется ядру книги – поэме Одена «Письмо к лорду Байрону».

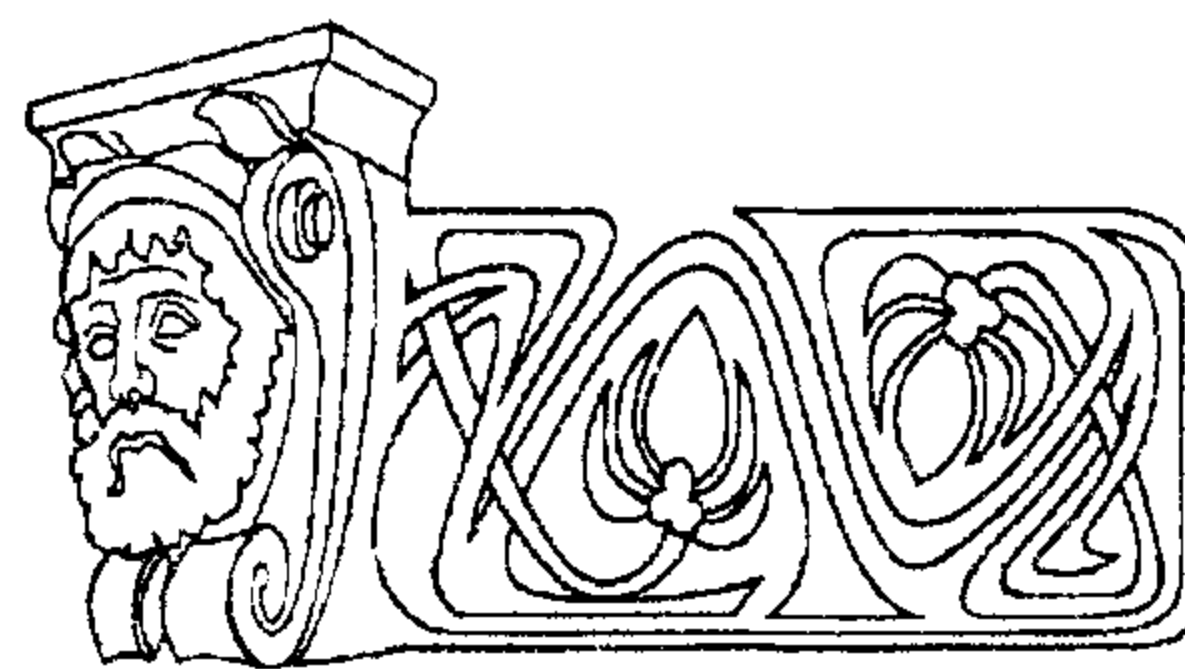
English Travel Writing and "Letters from Iceland" by W. H. Auden and Louis McNiece

I. V. Kabanova

The article contains a survey of the tradition of travel narratives in English literature from the XVI century as well as of the current critical concepts of the genre of travels. It offers a perspective on the state of the genre in the English literature of the 1930-s and analyzes W.H. Auden and Louis McNiece's «Letters from Iceland» (1937) as a representative text of the period. This travel book happens to be centered around Auden's major poem of the thirties – «A Letter to Lord Byron», hence the analysis is focused on this poem.

Популярность жанра путешествий (travels, récit de voyage, travelogue) у англичан, нации «мореплавателей и первооткрывателей», неизменна вот уже на протяжении пяти столетий.

Его возникновение в английской литературе принято относить к эпохе Великих географических открытий¹. После публикации книги Марко Поло (1477), поразившего воображение европейцев рассказами о восточных сокровищах, после Колумба и Ма-

геллана в путь пустились англичане – Фрэнсис Дрейк (*The Famous Voyage of Sir Francis Drake into the South Sea, and thence about the whole Globe of the Earth, Begun in the Year of Our Lord, 1577*), Уолтер Рэли (*The Discovery of the Large, Rich and Beautiful Empire of Guiana, 1595*), Джеймс Кук (*Journal of a Voyage Round the World, 1772*). Ранние образцы жанра – отчеты об экспедициях, подлинные судовые журналы, и долгое время литература путешествий изучалась исключительно историками и географами с точки зрения их дисциплин. Однако в XVIII веке создание книг о путешествиях перестало быть исключительно делом первооткрывателей и авантюристов. С изменением объема понятия «путешествия» отчеты о своих странствиях по свету стали предлагать люди всех профессий и любого социального статуса: дипломаты, ученые, светские люди и, наконец, литераторы – Дефо, Стиль и Аддисон. причем опыты последних далеко не всегда оказывались удачней, чем книги далеких от литературы авторов. Сохранение документальной основы жанра при постоянном росте значения беллетристического элемента привело к усилению разнообразия в составе авторов: *Настоящий автор путешествий – не историк и не романист, а странствующий*